

отвращай отъ себя; 10) мужу, возлагающему на себя ношу, помогай ее поднимать, а тому, кто снимаетъ съ себя (ношу), не помогай; 11) обувь надѣвай сперва на правую ногу, мой же (сначала) лѣвую ногу; 12) о пиеагорейцахъ безъ свѣта не болтай; 13) черезъ вѣсы не шагай; 14) уѣзжая изъ дому, не оборачивайся, ибо (за тобой) слѣдуютъ Эриннии;¹⁾ 15) не можись, повернувшись (лицомъ) къ солнцу; 16) маленькимъ факеломъ сѣдлица не вытирай; 17) пѣтуха корми, въ жертву же не приноси, ибо онъ посвященъ Лунѣ и Солнцу; 18) на хлѣбную мѣру не садись; 19) не корми (животнаго) съ кривыми когтями; 20) въ дорогѣ не разрѣзывай; 21) ласточку въ домъ не пускай; 22) перстня не носи; 23) не вырѣзывай на перстнѣ изображенія бога; 24) не смотришь въ зеркало противъ свѣтильника; 26) не относись съ сомнѣніемъ ни къ чему необычайному, если это касается боговъ и божественныхъ ученій; 26) не предавайся неудержимому смѣху; 27) при жертвоприношеніи не обрѣзывай себѣ ногти; 28) правую руку не подавай каждому легко; 29) вставъ съ постели, сверни ее и разгладь мѣсто (*на которомъ лежалъ*); 30) сердца не ѣшь; 31) мозга не ѣшь; 32) плюй на обрѣзки своихъ волосъ и ногтей; 33) барвену²⁾ не бери къ себѣ; 34) уничтожай слѣдъ горшка на золѣ; 36) не сходишь съ богатой для дѣторожденія; 36) предпочитай внѣшній видъ и каеэдру „внѣшнему виду и тремъ оболамъ“; 37) воздерживайся отъ боговъ; 38) мальву сѣй, но не ѣшь. Воздерживайся (отъ употребленія въ пищу) одушевленныхъ (существъ). *Другіе символы приводитъ Ямвлихъ V. P. 109. 152—156. Діогенъ VIII 17—19 Ипполитъ Наер. VI 25—27.*

Д. Изъ сочиненій Аристоксена «Пиеагорейскія мнѣнія» и «Пиеагорейскій образъ жизни».³⁾

1. *Ямвлихъ V. P. 163 слѣд.* Изъ наукъ пиеагорейцы, какъ говорятъ, болѣе всего почитали музыку, медицину и искусство прорицанія. Они были молчаливы, любили слушать и хвалили того, кто умѣетъ выслушать. Изъ медицины же наибольшее вниманіе ихъ привлекало ученіе о томъ, какой образъ жизни должно вести, и въ соблюденіи этихъ предписаній они были весьма строги. Прежде всего они старались изучать

¹⁾ Подражаніе Гераклиту 12 В 94.

²⁾ Родъ морской рыбы краснаго цвѣта.

³⁾ Кромѣ этихъ двухъ сочиненій: „Пиеагорейскія мнѣнія“ и „Пиеагорейскій образъ жизни“, Аристоксену принадлежало еще біографическое сочиненіе: „Жизнь Пиеагора“ или „О Пиеагорѣ и его друзьяхъ“ (гл 4, 8, см. стр. 71 первой части). По мнѣнію Mewaldt'a (de Ar. Pythagoricis Sententiis et Vita Pythagorica 1904), къ „Пиеагорейскимъ мнѣніямъ“ должно отнести всѣ теоретически дидактическіе фрагменты, къ „Пиеагорейскому образу жизни“ простой рассказъ. Соответственно этому 45 Д. 1. 6. 7 относятся ко второму сочиненію, Д 2—5. 8—11 къ первому.

признаки надлежащей (*по отношенію къ труду*) пропорціи напитковъ, кушаній и отдыха. Затѣмъ, что касается самаго способа приготовленія пищи и напитковъ, то они почти первые начали заниматься этимъ и давать предписанія. Пифагорейцы чаще своихъ предшественниковъ примѣняли мази, лекарства же (*принимаемыя внутрь*) они менѣе одобряли; этими самыми (средствами) главнымъ образомъ пользовались они при (леченіи) нагноеній, что же касается разрывовъ и выжиганій, то это они признавали менѣе всего. (164) При (леченіи) нѣкоторыхъ болѣзней они пользовались также заговорами. Они полагали, что и музыка много содѣйствуетъ здоровію, если ею пользоваться надлежащимъ способомъ. Также они примѣняли избранныя мѣста изъ Гомера и Гезіода для исправленія душъ. Они полагали, что должно твердо сохранять въ памяти все, чему учишься и что говорится, и до тѣхъ поръ приобрѣтать познанія и слушать лекціи, пока дѣйствуетъ способность учиться и запоминать. Ибо эта (*способность*) есть то, чѣмъ слѣдуетъ познавать и въ чемъ хранить (*познанную*) мысль. По крайней мѣрѣ, они весьма высоко цѣнили память, сильно упражняли ее и заботились о ней; и при ученіи они не раньше оставляли то, что изучалось, нежели достигали прочнаго усвоенія начатковъ ученія, причемъ то, что говорилось, ежедневно они припоминали слѣдующимъ образомъ. (165) Пифагореецъ не раньше вставалъ съ постели, чѣмъ (*все*), происшедшее вчера, было воспроизведено имъ въ памяти. Вспоминалъ же онъ слѣдующимъ образомъ: старался возстановить мысленно, что (*наканунъ*) вставъ, прежде всего онъ сказалъ, или услышалъ, или приказалъ своимъ домашнимъ, что (*сдѣлалъ*) затѣмъ и что еще позже. И относительно предстоящихъ (*поступковъ*) онъ давалъ себѣ такой же отчетъ. И далѣе (*онъ вспоминалъ*), кого перваго по выходѣ (изъ дому) онъ встрѣтилъ, и кого вторымъ, и какія рѣчи были сказаны прежде всего, (какія) затѣмъ и (какія) еще позже. И о (всемъ) прочемъ (онъ давалъ себѣ) такой же отчетъ. А именно, все, случившееся въ теченіе цѣлаго дня, онъ старался мысленно возстановлять, желая вѣдоминать (все) въ такомъ порядкѣ, въ какомъ нѣкогда каждое изъ этихъ (*дѣйствій*) произошло. Если же при пробужденіи въ его распоряженіи было больше свободнаго времени, то онъ точно такимъ же образомъ старался возстановлять (въ памяти) и то, что случилось въ третій день (тому назадъ). (166) Особенно они старались упражнять память. Ибо (*по ихъ мнѣнію*) ничто не является болѣе важнымъ для знанія, опытности и разсудительности, чѣмъ сила памяти. Итакъ, отъ этихъ занятій вся Италія наполнилась философами, и, будучи раньше (*страной*) неизвѣстной, позже она, благодаря Пифагору, была названа великой Греціей, и у нихъ явилось весьма много философовъ, поэтовъ и законодателей. И въ самомъ дѣлѣ, ораторское искусство, торжественныя рѣчи и писанные законы были принесены въ Грецію отъ нихъ. И всѣ тѣ, которые дѣлаютъ какое-либо упоминаніе о физикахъ, обыкновенно на первомъ мѣстѣ приводятъ Эмпедокла и Элеата Парменида; тѣ же, которые хотятъ передать какія-либо наставленія, касающіяся практической жизни, (обы-

кновенно) приводять мысли Эпихарма, и почти всѣ философы принимаютъ ихъ (въ свои сочиненія).

Къ § 163 срв. *Cramer An. Par. I 172* Пиеагорейцы, какъ сказалъ Аристоксенъ, очищали (отъ болѣзней) тѣло посредствомъ медицины, душу же посредствомъ музыки. *Стобей III 1, 71 Н. Діодоръ X 5, 1.* Къ § 164 срв. *Ямвлихъ § 110. 111.*

2. *Ямвлихъ V. P. 137* Я хочу сперва указать начала почитанія боговъ, которыя установилъ Пиеагоръ со своими послѣдователями. Всѣ ихъ постановленія относительно того, что должно дѣлать и чего не должно, имѣють цѣлью связь съ божествомъ, это является принципомъ (*всѣхъ ихъ предписаній*) и весь образъ жизни (ихъ) устроенъ такимъ образомъ, что преслѣдуетъ цѣль—слѣдовать богу; основа этой философіи есть (мысль), что смѣшно поступаютъ тѣ люди, которые ищутъ блага гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, а не у боговъ, (что) похоже на то, какъ если бы кто-нибудь въ странѣ, управляемой царемъ, сталъ бы служить какому-нибудь низшему начальнику, не обращая вниманія на самого правителя и царя всѣхъ. Ибо это, думаютъ они, дѣлаютъ люди. А именно, такъ какъ существуетъ богъ и онъ есть господинъ надъ всѣми, всѣми же (*единогласно*) признается, что должно просить блага у господина и что всѣ дають блага тѣмъ, которыхъ любятъ и которыми довольны, тѣмъ же, къ которымъ относятся противоположнымъ образомъ, (даютъ) противоположное, — то очевидно, что должно дѣлать то, что угодно богу.

3. *Ямвлихъ V. Pyth. 174 слѣд.* Далѣе, онъ полагалъ, что наиболѣе содѣйствуетъ прочному (*существованію*) справедливости власть боговъ, и, исходя отъ нея (*какъ отъ принципа*), онъ установилъ государственное устройство, законы, справедливость и правосудіе. Точно такъ же онъ предписалъ приложить ко всѣмъ (*дѣйствіямъ*)—къ каждому въ отдѣльности мысль о божествѣ, (*а именно*), что оно существуетъ и такъ относится къ человѣческому роду, что (*всегда*) печется (*о немъ*) и не оставляетъ его безъ вниманія. Научившись (этому) у него, пиеагорейцы считали (*это ученіе*) полезнымъ. Ибо мы нуждаемся въ такомъ руководствѣ, возставать противъ котораго ни въ какомъ отношеніи мы не хотѣли бы; а такимъ характеромъ обладаетъ (руководительство), исходящее отъ бога, если только божество таково, что достойно власти надъ вселенной. А именно, они правильно говорили, что животное по своей природѣ склонно къ своеволію и надѣлено разнообразными стремленіями, желаніями и прочими страстями. Поэтому оно нуждается въ такой власти и угрозѣ, отъ которой произойдетъ нѣкоторое его исправленіе и упорядоченіе. (175) Итакъ, они полагали, что каждый долженъ, сознавая за собой (*указанную*) пестроту своей природы, никогда не забывать благочестія и почитанія бога, но всегда держать передъ своей мыслью (бога), какъ (*постоянно*) взирающаго (*на насъ*) и наблюдающаго за образомъ жизни людей. А послѣ божества и демона (должно) наиболѣе уважать родителей и законъ, и подчиняться имъ не притворно, но по убѣжденію, Вообще же, по ихъ мнѣнію, должно полагать, что нѣтъ зла большаго,

чѣмъ анархія ¹⁾. Ибо человекъ по своей природѣ не можетъ оставаться невредимымъ, если никто не начальствуетъ (*надъ нимъ*). (176). Тѣ мужи считали хорошимъ пребывать въ отцовскихъ обычаяхъ и законахъ, даже если бы они были немного хуже другихъ. Ибо (*по ихъ мнѣнію*) отнюдь не полезно и не спасительно — легко отпадать отъ существующихъ обычаевъ и имѣть склонность къ нововведеніямъ.

4. *Стобей IV 25, 45 Н.* Изъ „Пифагорейскихъ мнѣній“ Аристоксена. Послѣ божества и демона болѣе всего (должно) почитать родителей и законы, повинувся имъ не притворно, но по убѣжденію. Они считали хорошимъ (*дѣломъ*) пребывать (*вѣрными*) отцовскимъ обычаямъ и законамъ, даже если они немного хуже другихъ.—*IV 1, 40 Н.* Изъ „Пифагорейскихъ мнѣній“ Аристоксена. Вообще же, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ полагать, что нѣтъ ни одного зла большаго, нежели анархія. Ибо человекъ по своей природѣ не можетъ сохраняться (*невредимымъ*), если никто не начальствуетъ (*надъ нимъ*). О правителяхъ же и управляемыхъ онъ такъ разсуждалъ. А именно, онъ говорилъ, что правители должны быть (*людьми*) не только знающими, но и гуманными. И управляемые (*должны быть*) не только послушными, но и начальстволюбивыми. Они полагали, что должно имѣть попеченіе о всякомъ возрастѣ и дѣтямъ (слѣдуетъ) упражняться въ чтеніи, письмѣ и прочихъ наукахъ. Юношамъ же слѣдуетъ приучаться къ обычаямъ и законамъ государства. Мужамъ же (должно) заниматься (*общественными*) дѣлами и государственной службой. Старикамъ же должно, по ихъ мнѣнію, со всевозможнымъ знаніемъ предаваться размышленіямъ, судебной дѣятельности и совѣтамъ. (*Такъ должны быть распределены дѣла*), чтобы ни дѣти не поступали глупо, ни юноши не вели себя по-дѣтски, ни мужи не вели себя, какъ легкомысленные юноши, ни старики не сходили съ ума. Должно же, говорили они, прямо съ дѣтства въ (*надлежащемъ*) порядкѣ предлагать пищу. (*а именно*) учить, что порядокъ и симметрія прекрасны и полезны, безпорядокъ же и асимметрія безобразны и вредны. *Срв. D 8 § 203.*

5. *Ямвлихъ V. Р. 180 слѣд.* Но такъ какъ и въ обращеніи съ другимъ заключается нѣкоторый (*видъ*) справедливости, то пифагорейцы, какъ говорятъ, учатъ нѣкоторому слѣдующему способу его. А именно, (*по ихъ ученію*), что касается способовъ обращенія (*съ людьми*), то одинъ (*способъ бываетъ*) умѣстнымъ, другой же неумѣстнымъ, и это раздѣленіе находится въ зависимости отъ различія возраста, достоинства, родственной близости, заслугъ и всѣхъ другихъ подобныхъ различій, существующихъ между людьми. Ибо нѣкоторый видъ обращенія, который кажется вполне умѣстнымъ, если его примѣняетъ юноша въ отношеніи къ юношѣ, (*будетъ*) неумѣстнымъ (*если его будетъ примѣнять юноша*) въ отношеніи къ старшему. И дѣйствительно, младшій въ своемъ обращеніи къ старшему долженъ остерегаться не только всякаго рода гнѣва и угрозы * * и дерзости, но всего такого, что неумѣстно. (181) Почти таково же (*ихъ*)

¹⁾ Срв. Софоклъ „Антигона“ 672.

разсужденіе и о достоинствѣ. А именно, *(по ихъ мнѣнію)* въ отношеніи къ мужу, достигшему въ калокагіи истиннаго достоинства, *(будетъ)* некрасивымъ и неумѣстнымъ *(поступкомъ)* развязная рѣчь и прочее изъ вышеупомянутаго. Подобное этому говорилось также и относительно обращенія съ родителями, и точно такъ же относительно обхожденія съ благодѣтелями. Надлежащее обращеніе разнообразно и имѣетъ много видовъ. И въ самомъ дѣлѣ, изъ тѣхъ, которые гнѣваются и негодуютъ, одни дѣлаютъ это кстати, другіе некстати, и опять же изъ стремящихся, желающихъ и добивающихся какой-либо (вещи), одни домогаются надлежащаго *(въ данное время)*, другіе не надлежащаго. Точно такъ же разсуждаютъ они и относительно страстей, дѣйствій, состояній, бесѣдъ и обращеній. (182) Это „надлежащее“ до нѣкоторой степени поддается изученію и расчету и можетъ быть предметомъ (особаго) искусства, вообще же и прямо оно ничего подобнаго не допускаетъ *(т. е. нѣтъ о немъ общей науки и оно можетъ познаваться лишь до нѣкоторой степени)*. Слѣдуютъ же за нимъ и какъ бы *(всегда)* сопутствуютъ природѣ надлежащаго то, что называется красотою, и также соответствіе и гармонія и все прочее, однородное съ этимъ. Они учили, что во всемъ начало принадлежитъ къ самому цѣльному, одинаково въ наукѣ, опытѣ и рожденіи, и равнымъ образомъ также въ домѣ, государствѣ, войскѣ и во всѣхъ подобныхъ соединеніяхъ. Природу же начала во всѣхъ упомянутыхъ (вещахъ) трудно усмотрѣть и познать. Ибо въ наукахъ дѣло не поверхностнаго размышленія—на основаніи разсмотрѣнія частей предмета вполне узнать и прекрасно выслѣдить, каково ихъ начало. (183) Ибо, если начало взято не правильно, то это весьма важно и мы рискуемъ *(опасностью)* почти цѣлой *(науки)* и всего *(что въ ней)*. И дѣйствительно, говоря прямо, если сдѣлана ошибка въ истинности начала, то изъ того, что слѣдуетъ за нимъ, ничто уже не будетъ правильнымъ. То же самое разсужденіе примѣнимо и къ другому началу. А именно, ни домъ, ни государство никогда не могутъ быть благоустроенными, если нѣтъ истиннаго управителя, стоящаго во главѣ и начальствующаго по волѣ *(своей и подчиненныхъ)*. Ибо начальство бываетъ *(лишь въ томъ случаѣ)*, если желаютъ обѣ стороны—какъ правящая, такъ и управляемая, подобно тому какъ и познанія, возникающія правильно, должны, говорятъ они, возникать безъ принужденія, при *(одинаковомъ)* желаніи обѣихъ *(сторонъ)*—учителя и ученика. Вѣдь, если которая-нибудь *(изъ упомянутыхъ двухъ сторонъ)* противится, то лежащее передъ ними дѣло не можетъ быть выполнено *(надлежащимъ)* образомъ.

Стобей ел. II 13, 119 Изъ „Пифагорейскихъ мнѣній“ Аристоксена. Также они говорили, что всякое изученіе наукъ и искусствъ бываетъ правильнымъ и достигаетъ цѣли, если *(совершается)* добровольно, если же—по принужденію, то бываетъ слабымъ и безуспѣшнымъ.

6. *Ямвлихъ V. Р. 196 слѣд.* И нижеслѣдующее передалъ пифагорейцамъ Пифагоръ, который самъ былъ авторомъ *(этихъ ученій)*. А именно, они старались, чтобы тѣла *(ихъ всегда)* находились въ одномъ

и томъ же состояніи, и не бывали то худыми, то тучными“. Ибо это они считали доказательствомъ неправильнаго образа жизни. Точно такъ же (они *заботились*) и объ состояніи духа, (*стараясь*) не быть то веселыми, то печальными, но (*всегда*) одинаково находиться въ спокойномъ и довольномъ состояніи. Они удаляли отъ себя гнѣвъ, уныніе и тревоги. У нихъ было также (*слѣдующее*) предписаніе: для разумныхъ не должно быть неожиданнымъ ничто изъ того, что можетъ случиться съ человѣкомъ, но (должно) ждать всего, что не въ нашей власти. Если же когда-либо кѣмъ-нибудь изъ нихъ овладѣвалъ гнѣвъ или печаль или что-нибудь другое въ этомъ родѣ, то онъ уходилъ подальше и, оставшись наединѣ, самъ старался сдерживать и лечить страсть. (197) О пиеагорейцахъ рассказываютъ также слѣдующее: въ состояніи гнѣва никто изъ нихъ не наказывалъ слугу и не дѣлалъ внушенія никому изъ свободныхъ, но каждый (*одержимый гнѣвомъ*) ждалъ возстановленія спокойнаго состоянія духа. „Дѣлать внушеніе“ они обозначали словомъ „*παιδαγωγῶν*“. ¹⁾ Ибо они упражняли терпѣніе молчаніемъ и спокойствіемъ. По крайней мѣрѣ, Спинеаръ (*изъ Тарента, отецъ Аристоксена*) часто рассказывалъ о тарентинцѣ Архитѣ, что вскорѣ по прибытіи съ войны, которую городъ предпринималъ противъ мессапцевъ, онъ посѣтилъ (свое) поле и, замѣтивъ, что управляющій и прочіе слуги плохо занимались земледѣіемъ и были чрезвычайно нерадивы, разсердился и пришелъ въ такое негодованіе, что (*только*) могъ, кажется, сказать слугамъ: счастье ваше, что я на васъ разсердился. Ибо, если бы этого не случилось, то никогда они не остались бы безнаказанными за столь важныя проступки, содѣянные ими. (198) Онъ сказалъ, что и о Клініи рассказываютъ нѣчто въ этомъ родѣ. А именно, онъ откладывалъ всѣ внушенія и наказанія до возстановленія спокойнаго состоянія духа. Отъ жалобъ, слезъ и всего подобнаго (эти) мужи должны удерживаться, и ни выгода, ни страсть, ни гнѣвъ, ни честолюбіе и ничто другое въ этомъ родѣ не (должно) быть причиною раздора (между) ними, но всѣ пиеагорейцы должны такъ относиться другъ къ другу, какъ хорошій отецъ къ (своимъ) дѣтямъ. Прекрасно также (*по ихъ мнѣнію*) приписывать все Пиеагору и называть его изобрѣтателемъ (*всего*), себѣ же не присваивать славы ни одного изъ своихъ открытій, развѣ только что-нибудь весьма незначительное. И дѣйствительно, (*среди нихъ*) весьма мало такихъ, собственныя сочиненія которыхъ пользуются извѣстностью. *Слѣдуетъ § 199 (см. гл. 4. 17, стр. 77 первой части).*

7. — — 233—239 Изъ многихъ другихъ (*фактовъ*) и изъ того, что говоритъ Аристоксенъ въ сочиненіи; „О пиеагорейскомъ образѣ жизни“, можно заключить, что они не между прочимъ избѣгаютъ дружбы съ чужими, но весьма старательно уклоняются отъ нея и остерегаются (ея), а также (*можно заключить*), (*у нихъ*) взаимная дружба сохраняется неизмѣнной въ теченіе многихъ поколѣній. (А именно, Аристо-

¹⁾ Παιδαγωγῶν = παιδαγωγέω (перестраивать, исправлять).

ксень) сообщаетъ, что это онъ слышалъ отъ сицилійскаго тиранна Діонисія, когда послѣдній, будучи лишень власти, изучалъ науки въ Коринѣхъ. (234) Въ самомъ дѣлѣ, Аристоксенъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Тѣ мужи воздерживались, насколько возможно, отъ жалобъ, слезъ и всего подобнаго; точно такъ же относились они и къ лести, просьбѣ, молебѣ и всему въ этомъ родѣ. По крайней мѣрѣ, Діонисій, когда, лишившись царской власти, онъ прибылъ въ Коринѣхъ, часто рассказывалъ намъ то, что случилось съ пифагорейцами Финтіемъ и Дамономъ. Это—(исторія) относительно поруки за смерть. Обстоятельства же, при которыхъ имѣла мѣсто эта порука, были слѣдующія. Нѣкоторые изъ окружавшихъ его (придворныхъ), рассказывалъ онъ, часто упоминали пифагорейцевъ, понося и осмѣивая ихъ, называя ихъ шарлатанами, причемъ говорили, что (вся) эта ихъ (напускная) важность, притворная вѣрность и (поддѣльное) спокойствіе духа пропала бы, если бы кто-нибудь поставилъ ихъ въ значительно опасное положеніе. (235) Когда же нѣкоторые стали возражать и (такимъ образомъ) возникъ споръ, то было рѣшено разыграть слѣдующую драму съ Финтіемъ. Призвавъ къ себѣ Финтія, Діонисій сказалъ, будто нѣкій обвинитель донесъ на него, что онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми (другими) явно злоумышляетъ противъ него; это было подтверждено присутствовавшими при этомъ и (такимъ образомъ) было придано правдоподобіе негодovanію (тиранна). Финтію былъ изумленъ (этой) рѣчью. Когда (затѣмъ) тираннъ самъ опредѣленно сказалъ, что это точно провѣрено и онъ долженъ умереть, Финтію сказалъ, что, если ужъ это имъ рѣшено, то онъ попросилъ бы предоставить ему оставшуюся (часть) дня, чтобы (онъ могъ) распорядиться имуществомъ своимъ и Дамона. Дѣло въ томъ, что эти мужи жили вмѣстѣ и имѣли все общее; Финтію же, будучи старшимъ, взялъ на себя большую часть управленія домомъ. Итакъ, онъ попросилъ отпустить его для этого, говоря, что онъ поставитъ поручителемъ Дамона (236) Итакъ, рассказывалъ Діонисій, онъ въ изумленіи спросилъ, найдется ли такой человѣкъ, который согласился бы остаться въ качествѣ поручителя за смерть. Когда же Финтію отвѣтилъ утвердительно, то былъ призванъ Дамонъ; выслушавъ рассказъ о случившемся, онъ сказалъ, что ручается и будетъ ждать тутъ, пока не вернется Финтію. Итакъ, рассказывалъ онъ, самъ онъ былъ прямо пораженъ этимъ, тѣ же, которые первые придумали это испытаніе, насмѣхались надъ Дамономъ, какъ надъ отданнымъ на гибель, и, шутя, говорили, что взамѣнъ дана лань. И вотъ когда уже солнце было на закатѣ, является Финтію на смертную казнь, чѣмъ всѣ были поражены и плѣнены. Итакъ, рассказывалъ онъ, онъ самъ, обнявъ и поцѣловавъ (тѣхъ) мужей, попросилъ, чтобы они приняли его самого третьимъ въ (свою) дружбу, тѣ же ни за что не согласились на это, какъ онъ ни настаивалъ“.

(237) Это Аристоксенъ рассказываетъ со словъ самого Діонисія. Рассказываютъ также, что даже не знавшіе другъ друга пифагорейцы старались оказывать дружескія услуги тѣмъ, кого они никогда не видали, коль скоро получали какое-либо доказательство причастности ихъ къ

тѣмъ же самымъ ученіямъ. Такимъ образомъ на основаніи подобныхъ дѣлъ (должно) вѣрить тому ученію, что добрые мужи, даже если живутъ весьма далеко другъ отъ друга, являются между собой друзьями, прежде нежели познакомятся и побесѣдуютъ.

По крайней мѣрѣ, говорятъ, что нѣкто изъ пифагорейцевъ, свершивъ длинный путь по пустынѣ, зашелъ въ гостинницу, (*и здѣсь*) отъ изнуренія и разныхъ другихъ причинъ впалъ въ продолжительную тяжкую болѣзнь, такъ что (*наконецъ*) у него оказался недостатокъ въ (*самомъ*) необходимомъ. (238) Однако, хозяинъ гостинницы, изъ состраданія къ челоуѣку или (*въ надеждѣ*) возвращенія (расходовъ), предоставилъ (ему) все (*необходимое*), не скупясь ни на какія услуги, ни на какія издержки. Когда же болѣзнь усилилась, тотъ, чувствуя приближеніе смерти, написалъ на доскѣ какой-то знакъ и просилъ (хозяина гостинницы), чтобы въ случаѣ, если съ нимъ что-нибудь случится, онъ вывѣсилъ доску возлѣ дороги и наблюдалъ, не узнаетъ ли знака кто-либо изъ проходящихъ. Ибо, сказалъ онъ, этотъ (*кто узнаетъ знакъ*) уплатитъ ему издержки, какія онъ сдѣлалъ для него, и поблагодаритъ за него. Послѣ кончины (*путника*) хозяинъ гостинницы похоронилъ его и позаботился объ его тѣлѣ, однако, не питалъ надеждъ ни вернуть издержекъ, ни получить благодарность отъ кого-либо изъ тѣхъ, кто узнаетъ (знакъ) на доскѣ. Тѣмъ не менѣе, удивленный (*даннымъ ему*) порученіемъ, онъ постоянно выставялъ доску всѣмъ на видъ. Много времени спустя проходилъ мимо одинъ изъ пифагорейцевъ; онъ узналъ знакъ и понялъ, кто написалъ его; онъ спросилъ о случившемся и уплатилъ хозяину гостинницы гораздо больше денегъ, нежели тотъ истратилъ.

(239) Дѣйствительно, рассказываютъ, что тарентинецъ Клиній, узнавъ, что послѣдователь ученій Пифагора киренецъ Проръ находится въ опасности потерять все свое имущество, собралъ денегъ, отплылъ въ Кирену и поправилъ дѣла Прора, не только не взирая на ущербъ для своего собственнаго состоянія, но и подвергая себя опасности морского путешествія. Точно такъ же посидонецъ Ѳесторъ, какъ говорятъ, зная только по слуху о принадлежности паресца Ѳимарида къ пифагорейцамъ, когда послѣдній изъ большого богатства впалъ въ бѣдность, собралъ много денегъ, отплылъ въ Паросъ и вернулъ ему его большее имущество.

Срв. 127 (послѣ большого пробѣла) И это сказалъ ему (*Аристоксену*) Діонисій Младшій въ Коринѣ, (а также рассказалъ ему) случай съ Финтіемъ и Дамономъ, и о Платонѣ и Архитѣ, и относительно Клинія и Прора (*см. выше гл. 41, 3*). Итакъ, кромѣ этихъ (*случаевъ можно привести слѣдующій*): когда мессинецъ Эвбулъ плылъ домой, онъ былъ захваченъ тирренцами и отведенъ въ Тирренію; тирренецъ Навсиоой, который былъ пифагорейцемъ, узнавъ, что онъ (*также*) принадлежитъ къ числу учениковъ Пифагора, отнялъ его у грабителей и въ полной безопасности доставилъ его въ Мессину. (128) Когда карагеняне намѣревались болѣе пяти тысячъ мужей, служившихъ у нихъ въ войскѣ, отправить на пустынный островъ, карагенянинъ Мильтіадъ, увидѣвъ

среди нихъ аргивянина Посида (оба они принадлежали къ числу пиаа-горейцевъ), подошелъ къ нему, и, не открывъ ему того, что предполагалось дѣлать, совѣтовалъ ему бѣжать, какъ можно скорѣе, къ себѣ на родину, устроилъ его на плившемъ мимо кораблѣ, далъ денегъ на дорожку и (*такимъ образомъ*) спасъ мужа отъ (*угрожавшихъ ему*) опасностей.

8. *Ямвлихъ V. P. 200—213* О славѣ же, какъ передаютъ, они говорятъ слѣдующее. Неразумно обращать вниманіе на всякое мнѣніе всякаго и въ особенности на мнѣніе толпы. Ибо немногимъ свойственно прекрасно полагать и думать. Вѣдь очевидно, что это свойственно (*только*) знающимъ. А ихъ немного. Такимъ образомъ очевидно, что эта способность не простирается на большинство (людей). Съ другой стороны, неразумно презирать всякое мнѣніе и сужденіе (*о себѣ*). Ибо (человѣкъ), настроенный такимъ образомъ, неизбежно будетъ неисправимымъ невѣждой. Необходимо же, чтобы не знающій учился тому, чего онъ не знаетъ и не понимаетъ, тотъ же, кто учится, (*необходимо долженъ*) обращать вниманіе на мнѣніе и сужденіе знающаго и умѣющаго учить. Вообще же говоря, тѣ изъ юношей, которые желаютъ своего спасенія, должны обращать вниманіе на мнѣнія и сужденія старшихъ, извѣстныхъ своей прекрасной жизнью. (201) Въ цѣлой человѣческой жизни раздѣлены (*ἑνδεκασμένως*—такъ выражаются они, какъ говорятъ) нѣкоторые возрасты, которые не каждому возможно связать между собой. Дѣло въ томъ, что они уничтожаютъ другъ друга, за исключеніемъ того случая, если кто-нибудь прекрасно и правильно воспитываетъ человѣка съ самаго рожденія. Итакъ, слѣдуетъ, чтобы значительная часть воспитанія ребенка (*а именно, насажденія въ немъ*) добродѣтели благоразумія и мужества, передавалась въ юношескій возрастъ; точно такъ же чтобы значительная часть попеченія объ юношѣ, (*а именно*) воспитанія его, (*вселяющаго въ него*) добродѣтель, благоразуміе и мужество, передавалась въ зрѣлый возрастъ, такъ какъ то, что бываетъ у большинства людей (*въ этомъ отношеніи*),—нелѣпо и смѣшно. (202) Дѣло въ слѣдующемъ. Думаютъ, что въ дѣтскомъ возрастѣ должно повиноваться, быть благоразумнымъ и воздерживаться отъ всего, что кажется пошлымъ и непристойнымъ; достигшіе же юношескаго возраста получаютъ у большинства, по крайней мѣрѣ, позволеніе дѣлать, что угодно. (*Вслѣдствіе этого*) стекаются въ этомъ возрастѣ оба вида заблужденій. А именно, юноши сильно погрѣшаютъ съ точки зрѣнія (надлежащаго) поведенія дѣтей и мужей. Дѣло въ томъ, что избѣгать всякаго рода старанія и порядка, говоря по-просту, стремиться ко всему тому, что относится къ игрѣ, своеволю и ребяческой рѣзвости, наиболѣе свойственно возрасту ребенка. Итакъ, изъ этого возраста переходить въ непосредственно слѣдующій (за нимъ возрастъ) охарактеризованное выше душевное состояніе. Родъ же сильныхъ страстей, а также честолюбивыя стремленія и равнымъ образомъ прочія желанія и расположенія, которыя принадлежатъ къ тяжелому и безпорядочному роду, приходятъ въ юношескій возрастъ изъ зрѣлаго (возраста). Вотъ

почему этотъ (возрастъ) нуждается въ наибольшемъ попеченіи по сравненію со всѣми (*прочими*) возрастами. Вообще же говоря, никогда человѣку не должно позволять дѣлать все, что ему угодно, но всегда должно быть нѣкоторое начальство, законная и благопристойная власть, которой бы повиновался каждый изъ гражданъ. Ибо животное, предоставленное самому себѣ и оставленное безъ попеченія, быстро портится и дѣлается негоднымъ. Рассказываютъ, что они часто спрашивали и обсуждали вопросъ, ради чего мы приучаемъ дѣтей соблюдать порядокъ и умѣренность въ принятіи пищи, и говоримъ имъ, что порядокъ и соразмѣрность прекрасны, противоположныя же имъ—беспорядокъ и несоразмѣрность отвратительны. Поэтому пьяница и ненасытный (человѣкъ)—въ большомъ позорѣ. И дѣйствительно, если ничто изъ этого не будетъ полезно намъ, когда мы достигнемъ зрѣлаго возраста, то неразумно приучать въ дѣтствѣ къ такому порядку. Точно такъ же рассуждаютъ они и относительно прочихъ привычекъ. (204). Итакъ, что касается прочихъ животныхъ, какія только воспитываются людьми, то на нихъ не наблюдается такого (*печальнаго*) явленія, но тотчасъ съ самаго начала ценокъ и жеребенковъ приучаются и научаются тому, что имъ нужно будетъ дѣлать, когда они вырастутъ. Вообще же, какъ говорятъ, пифагорейцы увѣщевали тѣхъ, кто приходилъ къ нимъ и вступалъ въ ихъ общество, остерегаться наслажденія, какъ самой опасной вещи. Ибо ничто такъ не соблазняетъ насъ и не вводитъ въ грѣхъ, какъ страсть къ наслажденію. Вообще же, какъ кажется, они старались никогда ничего не дѣлать ради удовольствія, такъ какъ эта цѣль бываетъ большею частью постыдной и пагубной, но (*старались*), болѣе всего обращая вниманіе на прекрасное и благопристойное, дѣлать то, что должно дѣлать, выгодное же и полезное (*они ставили*) на второмъ мѣстѣ, но и это (*по ихъ мнѣнію*) нужно серьезно обдумывать. (205) О такъ называемой тѣлесной страсти эти мужи, какъ передаютъ, даютъ слѣдующее ученіе. Самая страсть есть нѣкоторое возмущеніе души, сильное движеніе и стремленіе либо къ нѣкоторому наполненію либо къ присутствію какихъ-либо чувственныхъ (объектовъ) либо къ (*какому-нибудь*) чувственному состоянію. Бываетъ также страстное желаніе противоположныхъ (вещей), какъ-то (*желаніе*) освобожденія (*отъ чего-нибудь*), (*желаніе*) отсутствія (*какихъ-либо объектовъ*) и (*желаніе*) не испытывать нѣкоторыхъ ощущеній. Это чувство (*т. е. страсть*) разнообразно и имѣетъ множество видовъ; въ послѣднемъ отношеніи оно превосходитъ почти все, что относится къ человѣку. Многія же изъ человѣческихъ страстей являются не врожденными и созданы самими людьми. Поэтому-то это чувство требуетъ величайшаго попеченія и принятія мѣръ предосторожности, и нуждается въ систематическомъ тѣлесномъ упражненіи. Ибо когда тѣло опорожнено, естественно желать пищи, и когда оно опять наполнено, также естественно желать подобающаго опорожненія. Но желаніе лишней пищи, или излишней и роскошной одежды, или лишняго, дорогого и разукрашеннаго жилища—не врождено; то же самое справедливо и относительно домашней обстановки, чашъ, слугъ и животныхъ, употреб-

ляемыхъ въ пищу. (206) Вообще же человѣческія страсти болѣе всего характеризуются тѣмъ, что у нихъ нѣтъ никакой границы, но онѣ идутъ въ безконечность. Вотъ почему прямо съ юности должно пещись о возрастающихъ, чтобы они желали того, чего слѣдуетъ (желать), и воздерживались отъ пустыхъ и излишнихъ желаній, оставаясь невозмутимыми и чистыми отъ такихъ стремленій и презирая тѣхъ изъ своей среды, кто сталъ достойнымъ презрѣнія вслѣдствіе привязанности къ страстямъ. Въ особенности же должно замѣтить, что суетныя, пагубныя, излишнія и дерзкія желанія возникаютъ у живущихъ въ богатствѣ. Ибо нѣтъ ничего столь непристойнаго, къ чему бы не стремилась душа такихъ дѣтей, мужей и женщинъ. (207) Вообще же родъ человѣческой отличается величайшимъ разнообразіемъ въ отношеніи множества страстей. Яснымъ доказательствомъ (*этому служитъ*) разнообразіе того, что принимается (*въ качествахъ пищи и питья*). Вѣдь безконечно число плодовъ, корней, которыми питается человѣческой родъ; далѣе, употребляютъ въ пищу разнаго рода мясо, и трудно найти такое животное изъ живущихъ на сушѣ, въ воздухѣ и водѣ, котораго бы (*люди*) не употребляли въ пищу; (*наконецъ, необходимо упомянуть о томъ*), что вымыслены разнообразныя способы приготовленія кушаній и всяческія смѣси соковъ. Отсюда вполне понятно, что движеніе души у человѣческаго рода бываетъ неразумнымъ и многообразнымъ. (208) Ибо каждое изъ принимаемыхъ (яствъ) бываетъ причиною нѣкотораго особаго состоянія. Но люди замѣчаютъ (*только*) тѣ причины, которыя тотчасъ вызываютъ большую перемѣну, какъ, напримѣръ, (*они замѣчаютъ*), что вино, будучи принято въ большомъ количествѣ, до нѣкоторой степени, дѣлаетъ (*людей*) болѣе веселыми, затѣмъ—болѣе неистовыми и непристойными. А того, что не обнаруживаетъ такой силы, они не знаютъ. Между тѣмъ всякая принятая (*пища или напитокъ*) бываетъ причиною нѣкотораго особаго состоянія; вотъ почему необходима большая мудрость, чтобы уразумѣть и понять, какіе (*предметы*) и въ какомъ количествѣ должно употреблять въ пищу. Эта наука первоначально (*была дѣломъ*) Аполлона и Пеона, а затѣмъ (*ею стали заниматься*) Асклепій и его ученики. (209) О рожденіи же они, какъ передаютъ, давали слѣдующее ученіе. Вообще они полагали, что должно остерегаться такъ называемаго преждевременнаго развитія. Ибо преждевременно развившіяся ни растенія, ни животныя не бываютъ плодородными, но (*говорятъ они*) должно пройти нѣкоторое время до принесенія плодовъ, чтобы сѣмена и плоды происходили отъ сильныхъ и зрѣлыхъ тѣлъ. Итакъ, должно воспитывать мальчиковъ и дѣвицъ въ трудахъ, тѣлесныхъ упражненіяхъ и въ надлежащемъ терпѣніи, давать имъ пищу, соотвѣтствующую образу жизни дѣятельному, умѣренному и выносливому. Много есть въ человѣческой жизни такого, въ чемъ лучше позднее знаніе; къ этому принадлежитъ и занятіе любовными наслажденіями. (§10) Итакъ, должно воспитывать ребенка такъ, чтобы онъ до 20 лѣтъ не думалъ о половомъ сношеніи. Когда же онъ достигнетъ этого возраста, то должно, чтобы онъ изрѣдка предавался любовнымъ наслажде-

ніямъ. А это будетъ (*возможнымъ*) въ томъ случаѣ, если онъ будетъ считать здоровіе цѣнной и прекрасной (*вещью*). Ибо неумѣренность (*въ любовныхъ наслажденіяхъ*) и здоровіе не очень-то уживаются вмѣстѣ въ одномъ и томъ же (*человѣкѣ*). Какъ сообщаютъ, они одобряли также слѣдующія изъ ранѣ существовавшихъ въ эллинскихъ городахъ обычаевъ: не находится въ (*половыхъ*) сношеніяхъ ни съ матерями, ни съ дочерью, ни съ сестрою, (*и не имѣть половыхъ сношеній*) ни въ храмѣ, ни публично. Ибо прекрасно и полезно, чтобы какъ можно больше препятствій затрудняли это дѣло. Тѣ мужи, какъ кажется, полагали также, что должно уничтожать рожденія противоестественныя и сопряженныя съ насилуваніемъ, а изъ рождающихся естественно и скромно (*особенно*) должно заботиться о сохраненіи рождающихся при цѣломудренномъ и законномъ произведеніи дѣтей. (211) Они полагали, что производящіе себѣ дѣтей должны весьма заботиться о будущихъ потомкахъ. Итакъ, самая первая и величайшая забота—приготовить самого себя къ произведенію дѣтей, ведя умѣренный и здоровый образъ жизни, не насыщаясь не во время и не принимая (*пищи и напитковъ*), отъ которыхъ свойства тѣла дѣлаются хуже, въ особенности же совершенно избѣгая пьянства. Ибо они думали, что отъ дурной, нестройной и безпорядочной смѣси возникаютъ дурныя сѣмена. (212) Вообще же они считали свойствомъ совершенно легкомысленнаго и безпечнаго (*человѣка*)—если намѣревающийся произвести живое существо и привести кого-либо въ рожденіе и бытіе не приложить всяческаго старанія, чтобы вступленіе (*его произведенія*) въ бытіе и жизнь было возможно болѣе пріятнымъ. Но (*говорили они*) любители собакъ со всевозможнымъ стараніемъ заботятся о разведеніи собакъ, (*принимая всяческія мѣры*), чтобы надлежащія щенята рождались отъ кого слѣдуетъ и когда слѣдуетъ, и чтобы (*производители*) находились въ должномъ состояніи; точно такъ же (*поступаютъ*) и любители птицъ. (213) Ясно, что и прочіе, кто серьезно хочетъ имѣть благородную породу животныхъ, прилагаютъ все свое стараніе, чтобы рожденіе ихъ происходило не кое-какъ; между тѣмъ люди не обращаютъ никакого вниманія на своихъ дѣтей, но и порождаютъ ихъ кое-какъ, дѣлая ихъ экспромптомъ, какъ пришлось, любымъ способомъ, и затѣмъ кормятъ и воспитываютъ ихъ съ совершеннымъ нерадѣніемъ. И вотъ это является самой главной и самой очевидной причиной того, что большинство людей дурны и негодны. Ибо произведеніе дѣтей бываетъ у большинства скотскимъ и какимъ-то необдуманнымъ. (Такія указанія и занятія служили у тѣхъ мужей предметомъ теоретическихъ и практическихъ упражненій въ благоразуміи; они получили (эти) предписанія изъ старины отъ самого Пиеагора, подобно изреченіямъ пиеійскаго оракула). Къ § 201 срв. Діогенъ VIII 10. Діодоръ X 9, 5.

Къ § 203 срв. выше стр. 91 (45 D 4).

Къ § 205 срв. Стобей fl. III 10, 66 Н. Изъ „Пиеагорейскихъ мнѣній“ Аристоксена. О страсти же они говорили слѣдующее. Это чувство разнообразно и весьма многовидно. Изъ страстей нѣкоторыя не врождены

и могутъ быть созданы (*самимъ человекомъ*), другія же—врождены. Однако, самая страсть есть нѣкоторое возмущеніе души, сильное движеніе и стремленіе къ наполненію, или къ присутствію ощущенія или къ опорожненію, къ отсутствію и къ освобожденію отъ ощущенія. Есть три самыхъ извѣстныхъ вида ложной и дурной страсти: непристойность, несоразмѣрность и неумѣстность. А именно, во-первыхъ, бываетъ страсть непристойная, грубая и рабская; и иная (*страсть*)—болѣе сильная и болѣе долговременная, нежели должное (*въ данномъ случаѣ желаніе*); или третій (*видъ*) по сравненію съ тѣми, (*страсть, возникающая*) когда не должно и направляющаяся на то, чего не должно (*желать*).

Къ §§ 209—213 срв. *Окелль 4, 9—14 (изъ той же самой обработки, что и Ямвлихъ 209 слѣд.) и отчасти болѣе точное извлечение Стобея fl. IV 37, 4* Изъ сочиненія пифагорейца Аристоксена. О рожденіи дѣтей онъ говорилъ слѣдующее. Вообще (должно) остерегаться такъ называемаго преждевременнаго развитія. Ибо преждевременно развившіяся ни растенія, ни животныя не бываютъ плодородными. Но (необходимо) предварительно готовиться къ произведенію плодовъ нѣкоторое время, въ теченіе котораго окрѣпшія и созрѣвшія тѣла получаютъ силу доставлять сѣмена и плоды. Много же есть въ человѣческой жизни такого, въ чемъ лучше позднее знаніе, какъ, напримѣръ, вкушеніе любовныхъ наслажденій. Итакъ, должно ребенка такъ воспитывать, занявъ все его время упражненіями, чтобы онъ не только не искалъ, но, если возможно, до двадцати лѣтъ даже не зналъ о половомъ сношеніи. Когда же онъ достигнетъ этого возраста, (ему) должно изрѣдка пользоваться любовными наслажденіями. Дѣло въ томъ, что это весьма способствуетъ хорошему состоянію (*души и тѣла*) рождающихъ и рождаемыхъ. Также онъ совѣтовалъ для рожденія (дѣтей) не вступать въ связь съ женщинами ни въ состояніи слабости, ни въ опьяненіи. Ибо онъ не думаетъ, чтобы изъ дурной, нестройной и безпорядочной смѣси (*могло*) возникать гармоничное и прекрасное, но (*возникающее оттуда*) съ самаго начала не бываетъ хорошимъ.

9. *Ямвлихъ V. P. 230—233* Должно изложить ученіе Пифагора объ этомъ и предписанія, данныя имъ своимъ послѣдователямъ. Итакъ, эти мужи совѣтовали удалять изъ истинной дружбы состязаніе и соперничество. (*Они говорили, что устранять это*) лучше всего изъ всякой (дружбы), если бы это было возможно; если же это невозможно, то, по крайней мѣрѣ, изъ дружбы съ родителями и вообще со старшими, и равнымъ образомъ изъ дружбы съ благодѣтелями. Ибо состязаніе или споръ съ людьми, съ которыми мы находимся въ такихъ отношеніяхъ, въ случаѣ, если (*одной изъ сторонъ*) овладѣлъ гнѣвъ или какая-либо другая подобная страсть, не способствуетъ сохраненію существующей дружбы. (231) Они говорили, что въ дружескихъ связяхъ должно быть возможно меньше царапинъ и пораненій, а это бываетъ (*въ томъ случаѣ*), если обѣ стороны умѣютъ уступать и владѣть гнѣвомъ, въ особенности же младшій и занимающій какое-либо изъ вышеуказан-

ныхъ положеній (въ отношеніи къ другому). Исправленія и внушенія, которыя они называли *παιδαγωγία*, по ихъ мнѣнію, должны дѣлаться старшими въ отношеніи къ младшимъ въ очень мягкихъ выраженіяхъ, съ осторожностью, и въ (*ρῆγχα*) увѣщающихъ должна въ высокой степени проявляться забота и дружеское отношеніе (къ *увѣщаемымъ*). Ибо (*μιν*) въ такомъ случаѣ внушеніе бываетъ прекраснымъ и полезнымъ. (232) Никогда не слѣдуетъ устранять изъ дружбы довѣрія—ни въ шутку, ни серьезно. Ибо существующая дружба съ трудомъ сохраняется неприкосновенной, если хоть разъ войдетъ ложь въ нравы считающихъ себя друзьями. Отъ дружбы не слѣдуетъ отказываться изъ-занесчастія (*ποστιγшаго друга*) или какой либо другой превратности, встрѣчающейся (въ человѣческой) жизни, но утрата друга и дружбы допустима лишь въ одномъ случаѣ, (*α* именно) если она происходитъ по причинѣ сильной и неисправимой испорченности (*друга*). Никогда (не слѣдуетъ) самому навлекать на себя непріязнь со стороны (*μις*), которыя не окончательно дурны; если же вражда принята, то (должно) пребывать во враждѣ до конца, пока не измѣнится характеръ враждующаго (съ *нами*) и онъ не станетъ благоразумнымъ. Враждовать же (должно) не словомъ, но дѣлами; законное и священное дѣло есть война, если воевать съ человѣкомъ по-человѣчески. По возможности никогда не слѣдуетъ быть причиною вражды, но (должно), какъ можно болѣе, остерегаться начала ея. Въ дружбѣ, которая хочетъ быть истинной, должно быть, по ихъ мнѣнію, возможно больше опредѣленій и установленныхъ обычаевъ; послѣднія должны быть установлены прекрасно и весьма обдуманно; и, наконецъ, имъ долженъ быть подчиненъ каждый шагъ, чтобы ни одно сношеніе не происходило небрежно и необдуманно, но (*каждое происходило бы*) со стыдомъ, обдуманно и съ соблюденіемъ правильного порядка, и чтобы ни одно чувство не возбуждалось безразсудно, дурно и порочно, какъ, напримѣръ, страсть или гнѣвъ. Точно такъ же разсуждали они и объ остальныхъ чувствахъ и состояніяхъ (*души*). *Болѣе краткое извлеченіе изъ 2. 5 и 14 §§ 101, 102. На источникъ здѣсь сдѣланъ намекъ:* Пиеагорейскія мнѣнія передаютъ и другой способъ воспитанія.

10. *Стобей fl. III 1. 101 H* Изъ „Пиеагорейскихъ мнѣній“ Аристоксена. Онъ говорилъ, что истинная любовь къ прекрасному заключается въ образѣ жизни и въ наукахъ. Ибо любовь и (*особенно*) духовная любовь служитъ началомъ прекрасныхъ нравовъ и (*прекраснаго*) образа жизни. Точно такъ же и изъ теоретическихъ и опытныхъ наукъ прекрасными и по-истинѣ благообразными являются тѣ, которые (*проникнуты*) любовью къ прекрасному, а то, что большинство называетъ любовью къ прекрасному, какъ, напримѣръ, то, что бываетъ въ необходимыхъ и полезныхъ для жизни (*вещахъ*), является какъ бы добычей для истинной любви къ прекрасному.

11. — *есл. I 6, 18 p. 89, 10 W.* Изъ „Пиеагорейскихъ мнѣній“ Аристоксена. О судьбѣ же они давали слѣдующее ученіе. Есть нѣкоторая часть ея, ниспосылаемая божествомъ. А именно, нѣкоторымъ людямъ

было нѣкое дуновеніе отъ божества къ лучшему или къ худшему и очевидно, что, соотвѣтственно этому, одни—счастливы, другіе—несчастливы. Особенно же это явствуетъ изъ того, что одни постоянно имѣютъ удачу, хотя дѣлаютъ что-нибудь не обдумавъ предварительно и кое-какъ, другіе же терпятъ неудачу несмотря на то, что заранѣе обдумываютъ и заблаговременно заботятся, чтобы дѣлать что-нибудь правильно. Есть также и другой видъ судьбы, соотвѣтственно которому одни отъ природы одарены хорошими качествами и имѣютъ удачу, другіе же—отъ рожденія лишены дарованій и имѣютъ противоположную (*вышеуказанной*) природу; изъ нихъ первые имѣютъ удачу, за что ни возьмутся, вторые же не имѣютъ удачи, причемъ мысль ихъ никогда не попадаетъ хорошо въ цѣль, но * приходитъ въ замѣшательство. Это несчастіе врождено имъ и не приходитъ со стороны.

Е. Пифагористы въ средней комедіи.

Теокритъ 14, 5 Такой недавно приходилъ одинъ пифагористъ, блѣдный и босой. *Схоліи къ этому мѣсту.* Пифагоріки всячески заботятся о тѣлѣ, пифагористы же ведутъ тайный и суровый образъ жизни.

1. *Атены IV р. 160 F* Что же ты не подражаешь извѣстнымъ пифагорикамъ? О нихъ Антифанъ въ „Воспоминаніяхъ“ говоритъ слѣдующее:

„Среди пифагориковъ встрѣчались такіе несчастные, которые утоляли голодъ въ стоячей водѣ и собирали такую гадость въ кожаный мѣшокъ (для съѣстныхъ припасовъ)“.

И въ сочиненіи, озаглавленномъ прямо „Кожаный мѣшокъ (для съѣстныхъ припасовъ)“, онъ говоритъ:

„Во-первыхъ, подобно пифагористу, онъ не ѣстъ ничего живого, но беретъ черную порцію самаго дешеваго ячменнаго хлѣба и снимаетъ (съ него) шелуху“.

Алексисъ же въ „Тарентинцахъ“ (говоритъ):

„Вѣдь пифагористы, какъ намъ говорятъ, не ѣдятъ ни обычной добавки къ хлѣбу ¹⁾ и прочаго ничего живого, и только одни они не пьютъ вина. Однако, одинъ изъ пифагорейцевъ Эпихаридъ ѣлъ собаку,—по крайней мѣрѣ, послѣ того, какъ убилъ ихъ нечаянно. Ибо (*говорилъ онъ*) убитое животное уже не является живымъ“.

И дальше онъ говоритъ:

„Правила Пифагора, тонкія изреченія и отточенныя мысли питаютъ ихъ, принимаютъ же ежедневно они слѣдующую (*ѣду*). Одинъ чистый хлѣбъ (*полагается*) каждому и чаша воды. Вотъ что и вотъ

¹⁾ Т. е. говядины, рыбы и т. п., что обычно ѣдятъ съ хлѣбомъ.